

УДК 347.18

Законодательство РСФСР 1917–1922 гг. в отношении похоронного дела

Лопин Константин Борисович, заместитель начальника отдела памятников археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия, Администрация Краснодарского края, koppektor-rus@yandex.ru

В первые годы становления советской власти в России под влиянием западноевропейских тенденций в законодательстве закреплялись принципы и нормы социального равенства, свободы совести и отделения церкви от государства. Предполагалось не только повышение благосостояния общества и расширение его свобод, но и частичное переформатирование культуры, включая ее духовную сферу, путем сокращения религиозных элементов. Похоронное дело переходило из ведения религиозных организаций под контроль государственных органов, а традиционная погребально-поминальная обрядность в перспективе могла быть полностью или частично вытеснена гражданскими формами погребения. Данный процесс пришелся на катастрофический для страны период, сопровождавшийся массовыми человеческими жертвами, что обусловило ускоренное развитие санитарного регулирования похоронной сферы, в т. ч. в отношении военных потерь. В указанный период была заложена социально-правовая основа советского похоронного законодательства и сформированы санитарные нормы, сохраняющиеся в российском законодательстве в частично измененном виде до настоящего времени. Часть планируемых мероприятий, в частности внедрение кремации, осталась преимущественно декларативной и локально применимой, тогда как другие меры, включая создание сети моргов, впоследствии получили широкое распространение.

Ключевые слова: похоронное законодательство, похоронное дело, органы записи актов гражданского состояния, погребение, кладбище, гражданская война.

Первая мировая война, революционные события, гражданская война и их последствия явились для российского общества масштабными потрясениями, сопровождавшимися резким увеличением смертности. Только от голода начала 1920-х гг. в южных регионах России погибло не менее миллиона человек. В 1918–1922 гг. от испанского гриппа и острых инфекционных болезней умерло от 5 до 7 млн человек. Средняя продолжительность жизни в 1920 г. составляла 20,5 лет [1, с. 10–11]. В 1918–1920 гг. основная часть лекарств направлялась на нужды Красной армии. Обеспечение гражданских медицинских учреждений лекарствами не превышало 5–6 % от необходимого уровня, что приводило к сокращению числа лечебниц до минимума [2, с. 157–158]. По одним данным, общее количество погибших и умерших за гг. гражданской войны оценивается в 14–18 млн человек, из которых около 900 тыс. относятся к боевым потерям. Основную часть составляли санитарные потери, а также умершие вследствие голода, террора и болезней [3, с. 67]. По другим данным, общее количество потерь оценивается не менее чем в 10,5 млн человек, из которых 2,5 млн приходится на боевые потери, 6 млн — на эпидемии и голод, 2 млн — на террор [4, с. 11].

Несмотря на расхождения в данных, общее количество умерших за столь короткий срок было колоссальным, что не могло не увеличить нагрузку на кладбища и учреждения, занимавшиеся организацией и проведением похорон. Это в условиях сложившейся в стране катастрофической ситуации, сопровождавшейся снижением благосостояния общества, привело к ухудшению благоустройства кладбищ и качества похоронного дела в целом. Российское общество трансформировалось в новую формацию, основным лозунгом и принципом которой провозглашалось социальное равенство. Отражением данных процессов стали первые советские законодательные акты, затрагивавшие регулирование похоронного дела, а также состояние кладбищенского и мортального (нематериальных практик, применяемых в отношении умерших) пространства.

Особое место в развитии похоронного дела в советский период занимает его первоначальный этап, который логично соотносится со временем существования Российской Республики после Октябрьской революции 1917 г., а впоследствии — РСФСР до образования СССР в 1922 г. В указанный период Россия не являлась

единым государством, а представляла собой конгломерат различных территорий и квазигосударственных образований, на которых протекали события гражданской войны. Их объединяющим ядром стала Советская Россия, сумевшая сосредоточить и задействовать основные ресурсы страны при консолидации значительной части населения. Именно она стала новым и основным носителем российской государственности, естественным наследником ее предшествующей формы существования.

Вследствие гражданской войны и фактического распада Российской империи после Февральской революции утверждение советского законодательства оказалось растянутым во времени не только в силу военно-политической разобщенности страны и общества, но и по причине отсутствия ресурсов у сформировавшихся на местах советских администраций для быстрого и неукоснительного осуществления новых законодательно закрепленных мероприятий и правовых норм. Именно в данный период закладывался фундамент всего последующего советского, а затем и современного российского законодательства в сфере похоронного дела. В этот и последующий периоды законодательство Советской России действовало не только на ее территории, но и частично распространялось на иные советские государственные образования, возникшие на территории бывшей Российской империи и впоследствии вошедшие в состав СССР.

Основной декларируемой задачей государственного регулирования в области похоронного дела в рассматриваемый период стало развитие его социального аспекта. Отправной точкой в формировании советского, «республиканского» похоронного законодательства стало реформирование предшествующих «имперских» норм в направлении расширения свобод и равенства граждан при одновременном уменьшении религиозного влияния на проведение похорон. Основной фактической и во многом вынужденно решаемой задачей являлся санитарный аспект. Это было вызвано последствиями крушения предыдущей формации Российской империи, проявившимися в разрушении экономики и гражданской войне.

В отношении социального аспекта еще в марте 1917 г., в начале периода двоевластия в стране, четко высказался большевик В. Д. Бонч-Бруевич: «Хоронить наших покойников мы также можем гражданским порядком на любом из кладбищ без участия ду-

ховенства. Желавшие же могут хоронить по-старому, с духовенством, но обязательность таких похорон должна быть отменена совершенно» [5, с. 14]. Это проявилось в том, что первые советские большевистские мероприятия по реформированию похоронного дела проводились в рамках политики отделения религиозных организаций различных исповеданий от государства (принцип отделения церкви от государства).

С осуществлением данной концепции следует связывать начало первоначального этапа, выразившегося в организации отделов, ведавших записью актов гражданского состояния (загс), и передаче регистрации факта смерти от приходских религиозных организаций различных исповеданий этим новым светским государственным учреждениям. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» факт смерти удостоверялся актом, составляемым по месту смерти загсом, а также отметкой в книге записи смертей [6]. Графы данных, содержащиеся в книгах, повторяли сведения из метрических книг об умерших, однако добавлялась информация о лице, сообщившем о факте смерти. Лицом, удостоверявшим запись, становился не представитель духовенства, а государственный служащий — сотрудник отдела. Все метрические книги предписывалось передать на хранение в местные управы. О факте смерти должны были сообщать судебные или административные органы либо лица, на попечении которых находился умерший.

Данные меры предполагали обеспечение новой государственной власти полного доступа к учету различных параметров социальной статистики общества. Вывод регистрации основных вех человеческой жизни — рождения, брака и смерти — из-под контроля религиозных организаций становился одной из основ постепенной трансформации культурного уклада общества от различных вариантов религиозного восприятия к единому атеистическому. Контроль над указанными актами, как и ранее, сохранялся за государством. Законодательное закрепление права выбора между гражданскими и религиозными обрядами данных основополагающих событий укрепляло положение о свободе совести, т. е. праве и возможности личного выбора при минимальном либо отсутствующем влиянии религиозных предписаний в отношении соответствующих действий в различных жизненных ситуациях.

Вследствие одновременного прочного установления советской власти на местах введение данной нормы относится в основном к началу 1920-х гг. Так, в станице Славянской (совр. г. Славянск-на-Кубани) Кубанской области советская власть окончательно была установлена в марте 1920 г., после чего в течение нескольких недель были организованы ревком, комитет РКП(б), народная милиция, органы народного образования и здравоохранения [7, с. 59]. Однако загс был создан по прошествии более чем года — в середине 1921 г. [8]. До указанного времени регистрация смерти в станице осуществлялась путем внесения священнослужителями местных храмов записей в метрические книги об умерших [9; 10]. Это свидетельствует не только о постепенном налаживании работы новой местной администрации, но и о том, что ранее отлаженная приходская практика регистрации рождения, брака и смерти продолжала эффективно действовать в новых условиях, не требуя, по мнению местных властей, экстренного создания дублирующих данную функцию учреждений. В ряде регионов требование о регистрации в загсе игнорировалось либо дублировалось в приходах частью населения в силу религиозной сакрализации данных действий и укоренившейся традиции. К примеру, до 1930-х гг. часть мусульманского духовенства вела записи в метрических книгах, несмотря на отсутствие у них юридической силы [11, с. 84].

Учреждениям, ведавшим кладбищами, запрещалось препятствовать погребению по обряду гражданских похорон (т. е. без соблюдения религиозной погребальной обрядности) [6]. В инструкции Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. предусматривалось, что религиозные общины в случае заключения с местным Советом рабочих и крестьянских депутатов договора о передаче в их пользование богослужебных зданий (кладбищенских храмов) с имуществом обязывались включать в договор условие о том, что при похоронах единоверцев обряды совершаются лишь по желанию заинтересованных лиц и за одинаковую для всех плату, размер которой должен объявляться ежегодно [12, с. 164].

Следующим реформаторским шагом в политике регулирования похоронного дела стало принятие Декрета СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. о социальном обеспечении трудящихся, в котором предусматривались гарантии государственных компенсаций затрат лицам, осуществлявшим похороны. Право на данные гарантии имели только застрахованные лица. Местным подотделам социального обеспечения и охраны труда предоставлялось право вместо выдачи пособия на погребение принимать на себя организацию как захоронения, так и кремации. Все страховые фонды, в т. ч. похоронные, переходили в ведение Всероссийского фонда социального обеспечения [13].

Данными мерами государство обеспечивало себе не только приток финансов путем перераспределения денежных средств в виде страхования на случай события, происходящего в жизни каждого гражданина, но и предоставляло части населения возможность провести похороны полностью либо частично за счет государства, уменьшая финансовую нагрузку на общество. Государство выступало заемщиком средств у граждан, которые могло вернуть «по требованию» в виде выплаты страхового обеспечения по случаю похорон либо организовать их за свой счет. Это минимизировало вероятную проблему отсутствия финансовых средств у близких застрахованного лица для совершения похорон в необходимый момент.

Важным аспектом стало закрепление в советском правовом поле понятия кремации, основанное на опыте ее применения с середины XIX в. в Западной Европе и США. В России ее внедрение преследовало несколько целей. Предполагалось снижение нагрузки на кладбищенские пространства с перспективой значительного сокращения их площадей. Кремация становилась одним из видов гражданских похорон и впоследствии, по замыслу реформаторов, должна была стать основным способом погребения. В силу значительного влияния на духовную жизнь российского населения начала XX в. авраамических вероучений, в которых основным и одобряемым видом погребения является ингумация при отрицательном отношении к кремации, последняя объективно способствовала отрыву от религиозных устоев и трансформации традиционных погребальных обрядов с формированием нового, унифицированного для большинства советских граждан вида похорон. Выведение похоронного процесса из-под религиозного влияния должно было ускорить развитие нового атеистического уклада в духовной жизни общества. По этой причине до Октябрьской революции строительство крематориев в России не было начато из-за противодействия Святейшего правительствующего синода, хотя данный вопрос поднимался в Государственной Думе [14, с. 114].

В итоге кремация так и не стала основным и массовым видом погребения в России, в отличие от стран Западной Европы и США. На 2025 г., спустя немногим более столетия, на территории Краснодарского края, являющегося третьим регионом страны по численности населения, действуют 2 крематория, а на территории России — немногим более 30. Внедрение кремации не получило

широкой и системной государственной поддержки. Основной причиной стало отсутствие развитой сети крематориев на местах вследствие значительных затрат на их строительство. Как следствие, активная пропаганда ее применения среди населения не проводилась. Это обусловило сохранение приверженности большинства населения традиционным для него погребально-поминальным обрядам.

Основополагающим законодательным актом, регулировавшим статус кладбищ и похоронного дела, а также закреплявшим нормы, предусмотренные декретом о социальном обеспечении трудящихся, с одновременным расширением социального обеспечения похорон на различные категории жителей страны, стал Декрет СНК РСФСР от 7 декабря 1918 г. о кладбищах и похоронах. Крематории, морги, кладбища, организация похорон, в т. ч. частные похоронные предприятия, переходили в ведение местных Советов. Предоставление мест на кладбищах становилось бесплатным. Ранее существовавшее деление на разряды мест погребения и похорон упразднялось. Предусматривалось осуществление для всех одинакового похоронного процесса с учетом общих санитарных правил при устройстве мест погребения. Погребение допускалось только на основании документа, удостоверяющего смерть и выданного загсом. Похоронные религиозные обряды в храме и на кладбище, а также перевозка тела для совершения похорон вне места смерти могли осуществляться по желанию родственников и близких умершего за их счет. Нормы социального обеспечения о компенсации в данном случае не применялись. Уточнялось, что похороны пенсионеров, лиц из приютов, богаделен, инвалидов домов, неимущих и беспризорных производились за счет пенсионных фондов социального обеспечения. Похороны лиц, имевших родственников или близких, осуществлялись за их счет с возможностью получения компенсации [15, с. 452].

Тем самым государство брало на себя финансирование похорон ряда категорий малообеспеченных граждан. Введение бесплатного предоставления участков для могил и ликвидация разрядности, хотя и способствовали уменьшению финансовой нагрузки на население, в условиях гражданской войны в ряде случаев обернулись деградацией и частичным разрушением кладбищенских пространств. Причинами этого стали как резкое сокращение ресурсов для поддержания порядка, так и хаотичность размещения новых могил.

Отдельного упоминания заслуживает Циркуляр Наркомюста РСФСР от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей», ставший реализацией одного из аспектов политики борьбы с религиозностью [16]. Данным актом предусматривалось, что местные исполкомы должны были ликвидировать мощи путем их передачи в музеи в качестве музейных экспонатов и проводить агитацию, направленную на искоренение соответствующего культа как предрассудка и суеверия. Подчеркивалось, что данные действия не являются гонением на веру или оскорблением религиозной совести. Ликвидация не предполагала физического уничтожения мощей, а предусматривала их перемещение из церковных приходов в государственные музеи, перевода их из разряда объектов поклонения в разряд музейных экспонатов. На местах данное предписание нередко выполнялось с явными перегибами и нарушениями, что приводило не только к разорению погребений, в т. ч. знаковых для истории и культуры страны, но и к утрате религиозных и культурных реликвий. В то же время данный циркуляр стал законодательным закреплением курса на ликвидацию мощей, определив его механизм и цель. Начало самого курса было положено вскрытиями мощей с ноября 1918 г., проходившими под лозунгом «по просьбам трудящихся» [17, с. 27].

На прицерковных кладбищах, где ранее погребались священнослужители и члены их семей либо значимые для прихода лица, по решениям местных советских администраций теперь могли совершаться похороны красных партизан, героев революции или жертв контрреволюции. Так, на прицерковном кладбище во дворе церкви Святого Пантелеймона Целителя в станице Славянской Кубанской области в 1918 г. рядом с могилами священников были погребены красные партизаны, погибшие в бою с белогвардейцами. В настоящее время могилы красных партизан, красноармейцев и жертв Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сохраняются и обладают статусом объектов культурного наследия. Сам храм был разрушен в 1936 г.; могилы приходских священников и их детей на данном месте сохраняются только в подземном пространстве бывшего прицерковного кладбища.

Реализация второго аспекта — санитарного — во многом являлась вынужденной мерой, связанной с событиями гражданской войны, общим упадком медицины, продовольственного обеспечения и экономики в целом. В условиях высокой смертности среди красноармейцев был принят Приказ Реввоенсовета Республики от 26 апреля 1920 г. N 646, регулировавший сроки и условия их погребения [18]. Данный Приказ стал своеобразным дополнением к Декрету СНК РСФСР от 7 декабря 1918 г. о кладбищах и похоронах применительно к умершим военным служащим Красной армии, участвовавшим в боевых действиях.

Указанным приказом устанавливалось, что не ранее чем через 24 часа и не позднее чем через 72 часа после констатации смерти в госпитале тело красноармейца должно было быть погребено. До этого оно подлежало хранению в покойнице либо в морге. Погребаемый должен был быть одет в нателную рубашку, исподние брюки, летние портянки или носки, обувь, летние шаровары и верхнюю рубашку. Кожаная обувь могла заменяться лаптями или госпитальными туфлями. Прочие казенные вещи оставались при госпитале при соблюдении санитарных предосторожностей. При транспортировке тело должно было находиться в гробу. Погребение осуществлялось также в гробу либо, в порядке исключения, без гроба в братской могиле. При этом должны были присутствовать леком (фельдшер) и санитар, наблюдавшие за погребением заразных трупов, за обеспечением глубины могилы не менее 3 аршин (около 2,1 м), а также за тем, чтобы она была надлежащим образом засыпана. Заготовка гробов возлагалась на учреждения, ведавшие военно-лечебными учреждениями или моргами. О смерти главные врачи сообщали начальникам гарнизонов или военкомам, снаряжавшим похоронные команды. Личные вещи и деньги дезинфицировались и передавались родственникам.

В случае смерти красноармейца в эшелонах или санитарных поездах его тело снималось и погребалось железнодорожной милицией в течение 24 часов. Проводились осмотр тела, составление акта о смерти и описи вещей. Затем документы умершего, акт, опись и казенные деньги пересылались в войсковую часть, в которой он числился. Казенные вещи после дезинфекции передавались в местные военкоматы.

Однако во время ведения боевых действий и при недостаточности ресурсов данные предписания соблюдались по возможности и не всегда. Не предусматривались меры по внешнему обозначению таких погребений и документированию их привязки к местности для последующей локализации. Кроме того, вопрос об останках участников формирований, противостоявших Красной армии, остался неурегулированным. Он представлял собой пробел в законодательстве, что означало передачу решения данного вопроса местным властям или жителям. В метрических книгах времен гражд-

данской войны встречаются записи о погребении на местных кладбищах военнопленных, умерших или расстрелянных, убитых «в бою», «в степи» и т. д., однако принадлежность к красным, белым, зеленым или различным самостийным формированиям, как правило, не уточнялась. Погибших белогвардейцев при штурме г. Екатеринодоара во время I Ледяного похода в 1918 г. местные жители хоронили в ближайших окопах, местоположение которых не фиксировалось [19, с. 176]. В настоящее время при проведении земляных работ выявляются случаи обнаружения расстрельных или санитарных братских могил военнослужащих времен гражданской войны без соблюдения какой-либо погребальной обрядности; их идентификация не всегда возможна.

Окончание гражданской войны и переход к мирному развитию страны обусловили конкретизацию санитарных мер в отношении кладбищенских пространств. Нормы, регулирующие устройство кладбищ и порядок осуществления похорон, были внедрены после ее окончания и закреплены в Санитарных правилах Наркомздрава РСФСР «Об устройстве кладбищ, крематориев и погребении умерших» [20, с. 455–458]. Они, хотя и в измененных за столетие редакциях, до настоящего времени сохраняются в российском законодательстве.

В соответствии с указанными правилами умершие, как и ранее, подлежали погребению на кладбищах, устраиваемых вне населенных пунктов, за исключением особых случаев, допускавшихся с разрешения Наркомата здравоохранения при соблюдении установленных им условий. Право открытия и содержания новых кладбищ предоставлялось местным городским и уездным Советам, а также сельским волостным комитетам по принадлежности. Предложения об открытии кладбищ направлялись на заключение местного губернского медико-санитарного отдела, осуществлявшего санитарное обследование предполагаемого к отводу под кладбище земельного участка и последующий санитарный надзор.

Глубина могил определялась в зависимости от свойств почвы и уровня грунтовых вод местными санитарными постановлениями и не должна была быть менее 2 аршин (около 1,4 м). Дно могильной ямы при наивысшем стоянии грунтовых вод должно было располагаться выше их уровня. Исключения допускались для отдельных местностей с разрешения медико-санитарных отделов. Расстояние от края одной могилы до края соседней должно было составлять не менее полуаршина (около 35 см); размещение одного гроба над другим запрещалось. Повторное погребение в ту же могилу допускалось по истечении 30 лет. Если при новом погребении обнаруживались кости ранее погребенного, их следовало помещать в отдельные ящики и по возможности закапывать на том же месте. По истечении 45 лет после последнего погребения кладбищенская территория могла использоваться для иных нужд.

На каждом кладбище предписывалось устройство помещения для временного хранения тел в случаях, когда они по какой-либо причине не могли быть оставлены в жилище, а также для размещения неопознанных тел. Данная мера закладывала основу для формирования в стране сети моргов как специализированных временных хранилищ тел и их подготовки к захоронению.

Похороны могли совершаться не ранее третьего дня после смерти. Исключения составляли случаи, указывавшие на несомненный факт смерти, — наличие признаков разложения либо проведение вскрытия. Исключения также допускались, если тело находилось в помещении, являвшемся единственным жильем для других лиц, особенно больных, а также по требованиям вероучения, к

которому принадлежал умерший. Во всех подобных случаях досрочное погребение подлежало удостоверению медицинским работником или представителем Совета.

При наличии подозрений, что смерть наступила вследствие преступных деяний, телесных повреждений, самоубийства, неизвестной причины скоропостижной смерти, а также при обнаружении тела либо в случае смерти вследствие аборта или ненадлежащего лечения, устанавливался запрет на погребение до проведения судебно-медицинской экспертизы или врачебно-полицейского осмотра.

Если смерть наступала от острозаразных болезней и отсутствовали засвидетельствованные медицинским работником обеззараживающие меры, запрещались ношение открытого гроба и его размещение в церкви.

Перевозка в пределах и за границами губерний тел и эксгумированных останков была возможна с разрешения губернских Советов. Эксгумация останков умерших от острозаразных болезней разрешалась не ранее чем через год после похорон. В остальных случаях она допускалась по истечении любого срока со времени погребения. Перевозка тел из-за границы требовала разрешения Наркомата здравоохранения; при этом она осуществлялась только в двойном плотно запаянном металлическом гробу, помещенном в деревянный гроб. При отсутствии такого разрешения тело подлежало погребению на ближайшем к границе кладбище либо опускалось в воду вне портовой территории.

В дополнение к указанным нормам Циркуляром НКВД и Наркомздрава от 17 июня 1922 г. N 202 здраводелам и коммунальным подчеркивалось, что ни один труп не мог быть погребен без регистрации загсом. Погребения должны были совершаться на общих основаниях и с соблюдением санитарных правил. В случае скопления большого числа трупов и отсутствия материала для гробов на вновь отводимых кладбищах в качестве временной меры допускалось массовое погребение при соблюдении расстояния между телами не менее полуаршина и слоя земли над ними не менее 1 аршина (около 0,7 м) [21, с. 455]. Данная мера не распространялась на уже существующие кладбища, не имевшие свободных мест для новых могил.

Таким образом, изменение государственного строя и установление советской власти в России сопровождалось кардинальной трансформацией похоронного дела. Начался процесс отхода от прежних социальных и юридических предписаний при формировании новых нормативных правовых норм с их закреплением в законодательных актах, основанных на принципах социального равенства, свободы совести и отделения церкви от государства. Важным аспектом стала возможность получения государственной помощи при организации похорон для застрахованных лиц и ряда категорий малообеспеченных граждан. Установление равенства и отмена разрядности на кладбищах нередко приводили к деградации их территорий. Широкое применение кремации так и не стало массовым явлением. Традиционные погребально-поминальные обряды сохранили свое место в духовной культуре общества, несмотря на распространение гражданских похорон. Создание сети моргов, напротив, впоследствии получило широкое развитие. Катастрофическое положение страны и резкое увеличение смертности в 1917–1922 гг. обусловили детальную разработку санитарного аспекта похоронного дела. Меры и нормы, выработанные в те годы, хотя и в измененных за столетие редакциях, сохраняют закрепление в современных нормативных правовых актах российского законодательства.

Примечания

1. Кропачев С. А. Демографическое развитие российских этносов в 1920-е гг. // Историческая демография. 2022. N 2.
2. Затравкин С. Н. Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е гг. // Российская история. 2022. N 2.
3. Почешхов Н. А. Потери населения в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.): дискуссионное пространство исторической демографии // Современная научная мысль. 2020. N 6.
4. Бочарников И. В. Гражданская война в России: основные причины, следствия и итоги // Человеческий капитал. 2022. N 2.
5. Бонч-Бруевич В. Д. Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968.
6. Декрет СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm (дата обращения: 10.10.2025).
7. Фуфалько Б. Д. Славянский район: историко-географические сведения. Социально-экономический справочник. Краснодар, 2012.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1983. Оп. 1. Д. 6.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 801. Оп. 41. Д. 46.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 801. Оп. 41. Д. 48.
11. Салахова Э. К. Мусульманские метрические книги России // Эхо веков. 2018. N 1.
12. Инструкция НКЮ от 24.08.1918 // Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик. М., 1926.
13. Декрет СНК РСФСР от 31.10.1918 «Положение о социальном обеспечении трудящихся». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4478> (дата обращения: 15.10.2025).
14. Митько О. А. Кремация в современной культуре // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. N 3.
15. Декрет СНК РСФСР от 07.12.1918 «О кладбищах и похоронах» // Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик. М., 1926.
16. Циркуляр Наркомюста РСФСР от 25.08.1920 «О ликвидации мощей» // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. М., 2018. Т. 1. Кн. 3
17. Белоусова М. А. Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919–1920 гг. // Вопросы российской юстиции. 2020. N 6.
18. Приказ Реввоенсовета Республики от 26.04.1920 N 646. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_610.htm (дата обращения: 14.10.2025).
19. Соловьев В. А. По следам Суворова. Краснодар, 2004.
20. Бюллетень Наркомздрава РСФСР. 1922. N 13 // Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик. М., 1926.
21. Циркуляр НКВД и НКЗ от 17.06.1922 N 202 // Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик. М., 1926.

English version

Legislation of the RSFSR in 1917–1922 regarding funeral affairs

Lopin Konstantin Borisovich, deputy head of the department of archaeological monuments of the Directorate for State Protection of Cultural Heritage Sites, Administration of Krasnodar Krai

In the early years of the establishment of Soviet power in Russia, under the influence of Western European legislative trends, the principles and norms of social equality, freedom of conscience, and the separation of church and state were formally consolidated in law. These transformations were aimed not only at improving public welfare and expanding civil liberties, but also at partially reshaping culture, including its spiritual sphere, through the reduction of religious elements. Funeral affairs were transferred from the jurisdiction of religious organizations to state authorities, while traditional burial and commemorative rites were prospectively subject to complete or partial replacement by civil forms of burial. This process coincided with a catastrophic period for the country, marked by mass casualties, which accelerated the development of sanitary regulation in the funeral sphere, including in relation to military losses. During this period, the socio-legal foundations of Soviet funeral legislation were established, and sanitary standards were formulated that, in a partially modified form, remain embedded in contemporary Russian legislation. Some of the proposed measures, in particular the introduction of cremation, remained largely declarative and locally implemented, whereas others, including the creation of a network of morgues, subsequently became widespread.

Keywords: funeral legislation, funeral affairs, civil registry offices, burial, cemetery, Civil War.